

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО

Полякова А. В., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Юридический перевод является особым видом специализированного перевода. Это отдельная дисциплина, существующая на стыке юриспруденции и лингвистики, которая требует тщательного изучения. Целью данных тезисов есть исследование в области юридического английского перевода, с помощью которого можно заинтересовать студентов юридических факультетов в изучении языка. Мировая глобализация ведет к тому, что новые поколения нуждаются в средствах коммуникации, а именно, навыках устной и письменной речи. Эти навыки приобретаются за счет изучения языков. При этом, чем уже сфера изучения, тем качественнее результат, не так ли? В случае юриспруденции, которая в свою очередь состоит из определенного количества отраслей, мы имеем огромное поле действий для развития всевозможных исследований. Для практикующего юриста, как и для ученого в области юриспруденции, знание языка играет огромную роль. В эпоху международной интеграции, когда документация и переписка ведется на английском языке, необходимо четко разделять юридический текст и деловой, уделяя огромное внимание правильности употребляемых терминов.

Разные правовые системы англоязычных стран и Украины создают проблемы при переводе юридических терминов. Существуют профессии в Великобритании, которых нет в украинской правовой системе, такие как «*barrister*» и «*solicitor*»: искать ли перевод в корнях слов, транслитерировать слово, или искать эквивалент в других славянских языках? В то же время, существуют профессии и должности, которых нет в системе общего права, а, если таковые и есть, то нет англоязычного эквивалента для таких терминов. Например, термин «ученый-процессуалист» можно перевести только при помощи сложноподчиненного предложения: *the researcher who deals with legal procedure*. И таких слов огромное количество. Такой термин, как «*white-collarcrime*», является исторически сформированным, поэтому также требует особого подхода со стороны переводчика, так как дословный перевод не приведет к пониманию термина. Нельзя не упомянуть термины, которые переводятся с английского языка, но в юридической документации принято использовать их кальки: идентификация, диффамация, менеджмент и т. д. Почему бы не использовать родной язык для обозначения таких слов? Ведь от большого количества заимствований язык становится грязным, а может вообще исчезнуть.

Грамматика английского языка не допускает дословный перевод текста, поэтому ключительную роль в переводе играет контекст. Термин «*commitment*» может иметь следующие значения: обязательство, совершение, самоотдача, заключение под стражу. Все они являются кардинально разными, и без контекста абсолютно не понятно, какое значение выбрать. Нужно брать во внимание и синонимичность языков. Например, термин «договор» имеет несколько вариаций в английском языке: *contract, treaty, convention, agreement* и др. И, опять же, нужно брать во внимание контекст.

В одну ячейку можно определить такие проблемные пункты перевода, как названия компаний, аббревиатуры, адреса и имена собственные. При составлении и редактировании договоров нужно учитывать особенности транслитерации, а также, использования тех или иных символов для обозначения звуков. Если в исходном тексте дается название проекта только в виде аббревиатуры, но не дается его расшифровка, то и перевод, соответственно, не следует, хотя и может потребоваться для более четкого понимания, о чем идет речь. Что касается адресов, здесь и вовсе существует отдельная система перевода, которая не всегда является абсолютно верной для всех случаев. Такая же проблема возникает и при переводе имен собственных, которых существует огромное количество.

Переводчик, как и юрист, должен быть специалистом в конкретной области, как то язык уголовного права, административного права, конституционного права и др. Таким образом, соблюдаются все правила не только лингвистики, но и права. В за-

ключении хочется отметить, что в последнее время большинство исследований языка права постепенно сменили акценты — на первый план выходят не просто формальные исследования специального языка с точки зрения его терминологического состава или структуры, а языковые исследования сменяются междисциплинарными исследованиями. Язык права исследуется как социальный феномен, не случайно в этой связи появляются социолингвистические исследования проблем понимания юридической речи не специалистами. Проблемы перевода многогранны и непросты. Одни из них требуют одновременно юридической и лингвистической компетенции, для решения других необходимы глубокое теоретическое осмысление и практическая разработка. Тем не менее, можно сделать вывод, что состояние юридической лингвистики как науки находится на стадии активных научных исследований языка права во всем мире.

КОНЦЕПТ «УДИВЛЕНИЕ» В НЕМЕЦКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Сахарова Р. Ф., Минский государственный лингвистический университет

В связи со смещением парадигмы научного знания в сторону антропоцентризма объектом лингвистических исследований стал человек, его мировоззрение и взаимоотношения с окружающим миром, его язык и эмоции. Именно поэтому в лингвистике возрастает интерес к изучению эмоциональных проявлений в языке, так называемых эмоциональных концептов. Е. С. Кубрякова определяет концепт как «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем». Обращение к фразеологическим единицам при изучении эмоциональных концептов объясняется тем, что фразеологизмы являются носителями этно-культурной информации, в которой закреплён многовековой опыт народа. Этот факт определяет специфику фразеологического фонда любого языка.

В рамках данного исследования был проведен анализ фразеологических единиц, номинирующих эмоциональное состояние «удивление». Результаты анализа заключаются в следующем:

1. Фразеологические единицы, характеризующие концепт «удивление», имеют в немецком и белорусском языках как межнациональный — нем. *(große) Augen machen* букв. «делать (большие) глаза» бел. *рабіць вялікія вочы* букв. «делать большие глаза», — так и этнокультурный характер: нем. *j-m fliegt/springt der Draht aus der Mütze* букв. «у кого-л. вылетает проволока из шапки» бел. *дзіўу давацца* «диву даваться».

2. И в немецкой, и в белорусской лингвокультурах удивление получает номинацию через описание таких внешних проявлений данного эмоционального состояния как:

— изменение выражения лица: нем. *den Mund aufsperrern* букв. «широко открыть рот», бел. *твар выцягваецца* букв. «лицо вытягивается»

— поведенческие реакции: нем. *(fast) auf den Rücken fallen* «упасть почти на спину», бел. *разводзіць рукамі* букв. «разводить руками».

3. В исследуемых языках ядро большей части отобранных фразеологических единиц составляют самотизмы: нем. *mit dem Ohren schlackern* «быть не в состоянии что-л. сказать от удивления», бел. *разяўляць рот* «крайне удивляться». В немецком языке встречаются такие самотизмы как *Mund* «рот», *Ohren* «уши», *Augen* «глаза», в единичном случае *Nase* «нос», *Kehle* «горло», *Kopf* «голова» и *Unterkiefer* «нижняя челюсть»; в белорусском — *рот* «рот», *вушы* «уши», *вочы* «глаза», в единичном случае *рукі* «руки» и *твар* «лицо».

4. Согласно фразеологическим единицам эмоциональное состояние удивления сопровождается потерей способности говорить, о чем свидетельствуют фразеологизмы типа нем. *Bauklöte(r) staunen* «не быть в состоянии говорить от удивления», нем. *j-m bleibt die Sprache weg* «не быть в состоянии найти слова от удивления». Состояние